

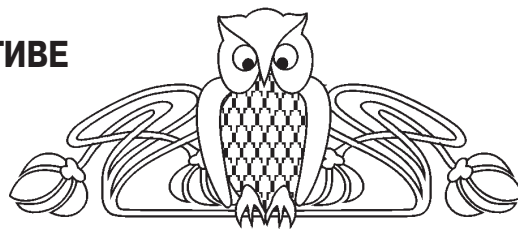

УДК 101.8

РИСКОЛОГИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е. И. Беляев

Саратовский государственный университет
E-mail: seriyxxx@mail.ru

В статье рассматриваются научная структура и философское содержание рискологии в контексте ее мультидисциплинарной природы.

Ключевые слова: мультидисциплинарный анализ риска, дефиниция риска, философия риска.

Riskology in the Philosophical Perspective

E. I. Beliaev

In article are considered scientific structure and philosophical content of riskology in the context of its multidisciplinary nature.

Key word: multidisciplinary risk analysis, risk definition, philosophy of risk.

Философско-теоретический анализ науки для рискологической методологической практики является перспективой, помогающей проникнуть в саморефлексию эксперта-рисколога. Ведь в сущности развитие научного понимания рисков – это «человеческий процесс», который соединяет в себе основные элементы эмпирического исследования (интерсубъективность, соответствие, доказательство) и элементы процесса теоретического исследования (эксперимент, интерпретация, выведение, проверка, объяснение). Отдельные научные дисциплины разрабатывают свои собственные решения таких проблем, как эпистемологическая природа риска и способы его преодоления. В этом отношении центром всех дисциплинарных подходов к риску является философская дискуссия по вопросу о том, какой является категория риска – онтологической или эпистемологической? Ответить однозначно на этот вопрос представляется возможным при условии объединения фактов в системы, характерные для разных дисциплинарных подходов, объединяющих познавательный опыт разных дисциплин.

Анализ методологии определения и описания риска в разных дисциплинах показывает, что для развития теоретической науки необходимо точное осознание ее целей и задач, но в теоретической рискологии этого пока нет. Она дробится на отдельные субдисциплины, между которыми наблюдается мало точек соприкосновения (достаточно сравнить понимание риска в лингвистике, экономике, истории и т.д.), а это непродуктивно. Важно поэтому выработать некий *интегральный подход* к явлениям риска, который способствовал бы объединению вполне совместимых друг

с другом направлений. Таким подходом вполне может быть общеполитический, хотя, конечно, и само определение философской науки нуждается в уточнении. Ведь естественно-научные и гуманитарные дисциплины часто руководствуются собственными рабочими определениями риска и не принимают во внимание ни философскую рефлексию, ни другие дисциплинарные подходы, поэтому обычно затемняют статус риска в своих специфических аргументах. Однако точность при определении риска обязательна, так как анализ должен быть строгим и логическим, т.е. научным. Вычленение эпистемологической составляющей в мультидисциплинарных контекстах помогает обогатить содержание дефиниции риска и подчеркнуть необходимость гораздо большего сотрудничества между учеными, специализирующимися в области исследований риска.

Научная теория обычно трактуется на основе аксиоматического исчисления и ряда правил соответствия, которые связывают исчисление с «реальным миром рисков». При этом возникают семь основных проблем: экспликация и рациональная реконструкция (например, в истории), аксиоматизация и дедуктивная структура (например, в логике и математике), модели (например, в экономике), частичная интерпретация (например, в политологии и праве), термины (например, в лингвистике), предложения аналитические или синтетические (например, в философии), правила соответствия (например, в науке).

Критический анализ «общепринятой точки зрения» на теорию приводит к выводу, что следует: признавать фрагментарность систематической реконструкции; учитывать значение аксиоматизации, формализации и дедуктивной структуры в перспективе; отдавать приоритет достоинствам понятия «модель»; признавать, что проблема «значения» научных терминов не имеет однозначного решения; искать такие пути конструирования эмпирического доказательства, при которых ни дискретное тестирование чрезмерно не акцентируется, ни предполагается различия между «аналитическим и синтетическим»; рассматривать правила науки в релятивистском контексте. Учитывая эти требования, необходимо систематически реконструировать теорию риска, включающую ее язык, концептуальную схему, модель, систему предложений².

Другой формой объяснения является индуктивно-статистическая. Если дедуктивно-номологическое объяснение включает отношение необходимого дедуктивного следования между экспланансом и экспланандумом, то индуктивно-статистическое объяснение является вероятностным и поэтому содержит эпистемологическую неопределенность. Кроме того, объяснения, требующая дополнительной интерпретации в терминах модели, являются более холистическими, чем они изображаются при дедуктивном подходе. С точки зрения философии науки объяснительный холизм служит отправной точкой для дискуссий о рискологическом объяснении.

Так же, как все эксперты, рискологи формулируют правила, которые определяют приемлемую методологическую практику в различных областях своей дисциплины. На основании формально-методологических критериев выстраивается общая классификация типов рискологической практики. Можно выделить два измерения методологической вариации, которые концептуализируют различные аспекты отношения экспертного знания к реальной действительности – оппозиции между: 1) дедуктивным и индуктивным, 2) пропозициональным и холистическим.

Подчеркивая абстрактно-теоретический характер рискологического знания, дедуктивно-пропозициональная (формальная) рискология утверждает, что это знание может быть выражено и оценено в пропозициональной форме, т.е. каждое утверждение должно быть доступно проверке. Отстаивая данную версию рискологии, следует указать на необходимость аксиоматизации рискологических утверждений. С данным типом исследования имеют много общего некоторые формы лингвистики, социологии и психологии, трактующие социализацию как структурированный процесс коммуникации, регулируемый кодами. Будучи идеализированной формой рискологической методологии, строгий формализм редко реализуется в рискологической практике.

Подобно формальной абстрактная (дедуктивно-холистическая) рискология подчеркивает аналитический характер рискологического знания. В отличие от формальной эта рискология связывает установление истины не с отдельными теоретическими утверждениями, а с анализом в целом. Преобладающая часть рискологической теории относится к абстрактной рискологии. Наиболее ярким примером абстрактного теоретизирования служит общая теория риска. В противоположность дедуктивно-холистской индуктивно-пропозициональная рискология (систематический эмпиризм) стремится сформулировать эмпирические обобщения. Это характерно для истории, экономики, теологии.

Призывая к непосредственному отражению рискологической реальности, индуктивный хо-

лизм, в отличие от систематического эмпиризма, отдает предпочтение не индивидуальным обобщениям, а целостной интерпретации. Хотя чистый образец индуктивно-холистской рискологии трудно найти, многие ее элементы прослеживаются в социально-гуманитарных теориях, в частности, в современной науке объединяют холистскую интерпретацию с определенными эмпирическими обобщениями.

Следует подчеркнуть, что все четыре типа методологии рискологических исследований могут правильно функционировать лишь в единстве, поэтому необходимо объединить кажущиеся альтернативными концепции формальной рискологии, абстрактного моделирования, систематического эмпиризма и интерпретативной рискологии для адекватного понимания социально-рискологической реальности. Например, систематический эмпиризм обеспечивает рискологов определенной основой «описанных феноменов». Однако для дальнейшего аналитического прогресса необходимо связать эмпирические данные с соответствующей моделью. Абстрактное моделирование в математике не может выявить сложные и частично пропозициональные отношения, которые связывают модели с «описанными феноменами».

Увлечение современных рискологов герменевтикой, проблемами понимания, интерпретации рискологического действия являются следствием недооценки этих проблем в прошлом. Однако поиски в этих направлениях не могут привести к разработке адекватной дефиниции риска, так как они представляют лишь отдельные звенья общей цепи дополненности рискологической методологии. Методологическое объединение рискологии может быть достигнуто лишь тогда, когда рискологи серьезно воспримут утверждение о том, что разнообразие рискологических методов потенциально отражает дополняющие друг друга деятельности, а не фундаментальные различия, не разрешимые в перспективе. Принимая такое утверждение, рискологи должны признать, что любая основа для унификации требует понимания предмета рискологии с точки зрения как структуры риска, так и активного действия индивидов. Если теории овеществляют один из этих аспектов, тогда эмпирические данные будут продолжать отражать реификацию – и рискология останется фрагментарной дисциплиной.

Проведенный методологический анализ научной структуры рискологии показывает, что риск является исключительно важным предметом исследования для философии, поскольку она выявляет существенные и отличительные признаки риска, а риск проясняет природу самой философии.

В философской литературе риск рассматривается с онтологической, эпистемологической и моральной точек зрения³. Первая точка зрения

означает вопрос об объективном существовании риска как бытия вещи-в-себе в мире и, следовательно, о его онтологической первичности относительно эпистемологической познаваемости. Этот вопрос не имеет окончательного решения. Философская рискология призвана решить несколько онтологических задач, связанных с общим определением социальной реальности как объективной сферы социальных наук.

Первая задача – попытаться ответить на вопрос о возникновении и оформлении рискогенной реальности в единой реальности. Она решается через соотнесение с природной и антропологической реальностью. Подходы к решению этой задачи определяются общей философской позицией – онтологической схемой, эпистемологическими воззрениями, пониманием философско-антропологической проблематики.

Вторая задача – постичь фундаментальное строение рискогенной реальности, определить ее базисные элементы, постулируемые как объективный ориентир социально-научного познания. В качестве элементов фундаментального строения утверждаются, прежде всего, общесоциологические категории – институциональные структуры и человеческая агентность, индивидуальная и коллективная, как способность человека поддерживать и изменять эти институциональные структуры с той или иной степенью риска. При этом именно постижение агентности считается делом философии. Институциональные структуры в их данности воспринимаются преимущественно как сфера изучения социальных наук, в первую очередь социологии. Следует подчеркнуть, что по объему внимания и интереса вторая задача значительно превосходит первую, о чем свидетельствует многочисленная и многообразная зарубежная и отечественная литературы по социально-философским аспектам рискологии⁴.

Работы Ю. А. Кимелева, Н. Л. Поляковой, И. Иохансона, Дж. Серля, Б. Андре, Ю. Хабермаса, М. Холлиса, Б. Миттельштрауса, А. Розенберга, Д. Рубена, Д. Бейбука и других методологов показывают, что в социальных науках и в философии социальных наук фактически господствует предпосылка, в соответствии с которой социальная реальность есть нечто автономное, что может служить исходной онтологической данностью или неким общим фоном социально-научного и философского анализа. Поэтому считается, что можно сразу же переходить к рассмотрению в той или иной форме второго компонента – базисного строения социальной рискогенной реальности. Научный принцип дополнительности показывает, что указанные задачи целесообразно рассматривать в единстве. Первая может восприниматься как важнейшее условие возможности решения второй, а вторая – как закономерное дополнение и продолжение первой. Иначе говоря, устремление

онтологии социальных наук, как ее разрабатывает философия социальных наук, не будет в полной мере достигать своей цели при игнорировании вопросов о месте социальной рискогенной реальности в единой реальности: так как, во-первых, упускается возможность наиболее глубокого постижения социальной реальности; во-вторых, не используется важнейший ресурс спецификации рискогенных реалий, связанный с общей онтологической схематикой.

Кроме онтологической, второй философской категорией релевантности риска является эпистемология, где риск выступает мерой знания и незнания, т. е. риск превращается в предмет и орудие познания. В современных рискологических исследованиях существует большая неопределенность и хаотичность по многим вопросам методологии, что в значительной мере подрывает их практическую и теоретическую познавательную эффективность. Источники существования актуальных эпистемологических проблем в рискологии, с одной стороны, вызваны сложностями природного и социального мира, а с другой – конфликтами внутри дисциплины между представителями различных ориентаций. Проблемы построения точных рискологических теорий и получения надежных данных порождаются следующими обстоятельствами: чрезвычайной сложностью социальных процессов, наличием множества не связанных между собой переменных и трудностями их измерения, быстротой изменения общественной жизни, многообразием типов деятельности людей, неопределенностью происходящих событий, наконец, отсутствием должной коммуникации между различными социальными науками. Следует иметь в виду также и проблемы, возникающие в процессе взаимоотношений между «заказчиками» и «исполнителями», связанные с финансированием исследований и определением их задач.

Второй круг проблем вызван продолжающимися столкновениями между сторонниками и противниками использования естественно-научных приемов познания в социальных науках. Следует указать, что типичной для рискологии является ситуация детерминации изучаемых фактов множеством других, поэтому и изучаемое явление имеет, как правило, одновременно несколько различных объяснений. Трудности усугубляются тем, что нет твердых оснований для предпочтения одних объяснительных переменных другим, и для сбора данных (в случае с мультивариационной причинностью) обычно используют различные статистические процедуры. Одно из главных затруднений заключается в том, что в социальном рискологическом исследовании, в отличие от физических наук, невозможно осуществить прямое измерение изучаемых явлений, всегда требуются определенные теоретические допущения, касаю-

щиеся их содержания, и эти допущения по-разному формулируются учеными. Например, в случае изучения рискогенной природы дискриминации, прежде всего, встает проблема операционального определения понятия через наблюдаемые признаки, ассоциирующиеся с различными типами социального неравенства. Но для того чтобы объяснить простейший тип дискриминации, например, возникающий при приеме на работу, приходится вводить довольно много факторов, а также учитывать дополнительные переменные, вызывающие ошибки измерения. Далее следует учитывать внутренние связи между переменными, скажем, между образованием и опытом работы, которые воздействуют на дискриминацию. Отмеченные трудности ставят исследователя перед проблемой: насколько допустимо упрощать реальность, чтобы получить точные ответы на поставленные вопросы.

Одной из важных задач социально-методологического исследования является проведение долговременных и сравнительных исследований, результаты которых могут быть использованы для построения динамических моделей, дающих возможность предсказывать социальные риски. Однако здесь возникают свои эпистемологические затруднения, вызванные такими обстоятельствами, как возможность ложного отождествления ошибок измерения с незначительными социальными изменениями, ненадежность данных, относящихся к прошедшим историческим периодам, трудности установления истинных причин событий, действие множества неучтенных факторов и др.

Среди дискуссионных вопросов *социального познания рисков* выделяется, прежде всего, проблема различных отклонений от норм «научного этоса» в рискологии. В условиях продолжающейся конфронтации различных школ их сторонники не прилагают усилий для интеграции, отсутствует стремление к созданию единого рискологического словаря. Состояние терминологической путаницы становится нормой, преодолеть которую призвано определение риска как возможности индивидуального или коллективного действия, вызывающего нежелательные последствия. Это определение риска как воздействия неопределенности на цели, приводящего к нежелательным последствиям, предложено в 2009 г. международным комитетом из 30 стран, и оно основывается на очень разных дефинициях риска, предложенных несколькими тысячами экспертов-специалистов в областях естественно-научных и гуманитарных дисциплин, например, «риск есть нежелательное подмножество множества неопределенных последствий»⁵.

Следует отметить необходимость достижения согласия по ключевым вопросам методологии и подчеркнуть значение совершенствования организационной и эпистемологической структуры

дисциплины. Главная задача состоит в том, чтобы направить усилия на создание «кумулятивной парадигмы» эмпирически верифицируемых теорий, состоящих из универсальных утверждений, применимых к конкретным социальным рискогенным обстоятельствам. В качестве позитивных шагов можно предложить следующие: 1) сосредоточить усилия на изучении обобщенных социальных рискогенных процессов, которые могут анализироваться в терминах утверждений, не привязанных к специфическим пространственно-временным координатам, аналогичных тем, которые имеются в социальной и общей психологии; 2) больше внимания уделять вопросам измерения и концептуализации, добиваясь создания единого словаря терминов; 3) акцентировать внимание в равной мере на изучении как обобщенных, так и частных рискогенных социальных процессов; 4) ликвидировать разрыв в описании и сборе данных между представителями различных школ и направлений; 5) найти способы стимулирования деятельности тех ученых, которые работают над проблемой аккумуляции рискологического знания.

Другое направление выхода из кризисной ситуации состоит в том, чтобы совершенствовать набор научных норм, предназначенных для улучшения коммуникации внутри дисциплины, а также между различными социальными науками, оперирующими понятием риска. Критика должна быть доброжелательной и подчеркивать важность добросовестного исследования и предоставления обоснованных аргументов и выводов, недопустимы искаженные оценки и идеологические обвинения со стороны конкурирующих школ.

Третья категория есть категория моральной философии или этики, которая исследует нравственность риска и отождествляет его с фундаментальными этическими понятиями – такими как справедливость, права, выбор, польза, долг и добродетель. Здесь один из ключевых вопросов – это вопрос о моральной приемлемости риска как вероятности, практических последствий, целесообразности и масштаба риска. В области рефлексивной рискологии как конструирования теоретических моделей решающее значение имеет личный опыт исследователя. Этим объясняются значение ценностных концепций в рискологическом анализе, роль воображения, ценностей и чувства в процессе конструирования рискологических моделей. Но для этого необходимо более точно определить место, занимаемое этими компонентами, ибо риторические призывы к воображению, ценности и чувству ведут лишь к утопическому индивидуализму, архаичному сегодня.

В этой связи уместно ввести понятие репрезентативного опыта и репрезентативной ценности. Хотя личный опыт рисколога и его ценностные установки влияют на процесс конструирования теоретических схем, для того чтобы они были

усвоены, они должны быть репрезентативны и находить отклик у современников. Все крупные рискологические теории (У. Бека, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса) являются синтезом репрезентативного опыта и репрезентативной ценности. Репрезентативный опыт идет дальше частного локализованного, хотя и intersubjectively: он связывает личные и общественные проблемы. Репрезентативный опыт должен опираться как на исторический, так и на личный и опыт современников. Ценность также не является выбором рисколога: она представляет собой конечный продукт репрезентативного опыта. Усвоение репрезентативного опыта предполагает вместе с тем усвоение ценностей и моральных установок социальной жизни.

Говоря о специфичности рискологических теорий, в отличие от других научных, уместно обратить внимание на то, что в противоположность большинству логических интерпретаций природы рискологического исследования рискологические теории не отвергаются, а игнорируются. Они исчезают тогда, когда перестают быть связанными с основанным на взаимодействии опытом тех, чье поведение они намерены объяснить. Рискология, по нашему мнению, является «моральным продуктом» своего времени. Она оформилась как с точки

зрения своих концепций, так и с точки зрения своих методологических принципов в русле традиции, признающей особое значение ценностей. В этом ценность рефлексивной (философской) рискологии⁶. Философия видит в риске проблему: она смотрит на риск глазами онтологии, эпистемологии и морали. Риск есть онтологический объект, есть подход к познанию и субъект с весомым нормативным потенциалом. Его нельзя игнорировать, и он еще не понят.

Примечания

- ¹ См.: *Thompson P. B.* The philosophical foundations of risk // *Southern J. of Philosophy.* 1986. № 24(2). P. 273–286.
- ² См.: *Althaus U.* A Disciplinary Perspective on the Epistemological Status of Risk // *Risk Analysis.* 2005. Vol. 25, № 3. P. 96–104.
- ³ См.: *Кимелев Ю. А.* «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии». М., 2006. 96 с.
- ⁴ См.: *Althaus U.* Op. cit. ; *Полякова И. Д.* XX век в социологических теориях общества. М., 2004. 384 с.
- ⁵ *Hubbard D.* The Failure of Risk Management : Why It's Broken and How to Fix It. L., 2009. 76 p.
- ⁶ *Hansson S. O.* What is philosophy of risk? // *Theoria.* 1996. Vol. 62(1–2). P. 169–186.

УДК 111

В ЧЁМ ИМЕННО СОМНЕВАЕТСЯ ДЕКАРТ?

М. А. Богатов

Саратовский государственный университет
E-mail: m_bogatov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологических установок Декарта, а именно – его сомнению. Следуя указанию Гуссерля, автор предлагает подвергнуть более внимательному анализу традиционный метод мыслителя.

Ключевые слова: Декарт, онтологические установки, сомнение, метод.

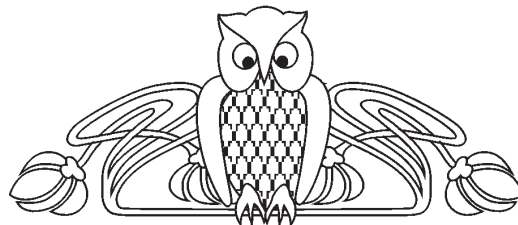
In what Descartes Doubts?

М. А. Bogatov

The article considers the ontological systems of Descartes, namely his famous point of doubt. Following the instructions of Husserl, the author proposes to make a careful analysis of the traditional method of a thinker.

Key words: Descartes, ontological setting, doubt, method.

Декарт со своим «методом сомнения» занимает такое прочное место одного из основателей философии Нового времени (и всей последующей), что никто не может поставить под сомнение

значение данного мыслителя. Будучи вписанным в линию исторической преемственности, Декарт выполняет функцию перехода от схоластического способа мыслить к сугубо научному. При этом к его достижению относится именно последовательное и строгое подведение к фундаменту науки логических «фактов» и норм, усмотрение которых уже не требует обращения к авторитетам Церкви. Во второй половине XIX в. в европейской философии одним из модных способов рассмотрения предшественников стал психологизм. Изначально выступая против психологизма, стали известными такие школы философии, как феноменология и школа логического анализа. «Пересобрав» психологическое толкование Декарта и других философов на лад собственного понимания «строгой науки», феноменология и школа логического анализа предъявили миру «нового Декарта» – как и прежде, основателя науки, но уже не науки